Воду текучей не увяжешь, тонкое ~~зелье~~ плечо.

— Приезжай проведать. — отрывисто говорил Петро Новотом наваливаясь на острую хребтину лошади и занося левую ногу.

— Как-нибудь.

— Ну, прощай.

— Нуть добрый.

Петро уже валил со двора и вслед ему закричал столешнику на крыльце Григорию.

— Наталя-то... беда наказ... — Ветер корежил и крутил над двором. Не донес до Григория конца фразы. Петра с лошадью стеленала нежная пыль и Григорий не расслышал последнюю руку и пошел к конюшне.

Абз. ~~то, что и~~ Сумасшедшее было лето. Редко падали дожди и хлеб вызрел рано. Только, что управились с жнитом — подошел Ильинь. Шелтел кулигами, ник пугрожистыми колосьями. Четверо пришлых рабочих, нанявшихся поденно и Григорий косили. Аксинья отстрадалась и упросилась Григория взять ее с собой.

— Сидела-б дома, нужды что-ль несет? — отговаривал Григорий, но Аксинья стояла на своем и наскоро покормившись вбежала за ворота догоняя повозку с рабочими.

Абз. То, что видела Аксинья с тоской и радостным нетерпением; то чего смутно побаивалась Григорий слушился на покосе: Аксинья гребла и почувствовав некоторые приятаи бросила грабли и легла под наскоп пеньками валами. Сватки начались вскоре. Закусив почерневший язык Аксинья лежала плашмя. Мимо нее обнежая круг покрикивали с косилки на лошадей рабочие. Один молодой еще, с подгнившим носом и частыми желтыми зубами на желтом лице, проезжая видал Аксинье.

— ~~Вот-то~~ Ль притекло ~~вас~~ в непроходимое место? Вставай, а то растаешь, подмокнешь!

Григорий только, что сменившийся с косилки подошел к ней.

— Что чево?

Аксинья криво одеревяневшие губы криво сказала.

— Сватаюсь.

— Говорил не езди, чортова сволочь! Ну, что теперь делать?

— Не ругай-си, Гриша. Ох... Ох... Гриша, заворяги. Домой-бо, ну; как я тут... Ааа... Застонала Аксинья перехваченная железным обручем боли.

Григорий побежал за пасшейся в логу лошадью. Пока запрягал и подъехал Аксинья стояла на четвереньках воткнув голову в ворох мокрого ильиня, вытекала изо рта исжеванное от муки колючие колосья. Она распухшими мутными глазами непонимающе уставилась в подбежавшего Григория и оскаленными зубами вцепилась в скомканную завеску, что-бы не слышали рабочие безобразного животного крика.

Григорий вволил ее в повозку и почал лошадь к